

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА XX–XXI ВВ. В КОНТЕКСТЕ АВАНГАРДНО-ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ

Определение стилевой направленности литературы и искусства рубежа XX – XXI вв. вызывает определенные трудности. Данный тезис относится не только к художественному пространству Беларуси, но и касается мирового искусства в целом. Большинство исследователей склонны констатировать уход с литературно-художественной сцены постмодернизма и возвращение классических литературных жанров в противовес постмодернистской разорванности и цитатности. Однако лозунг Ж. Ф. Лиотара о смерти постмодернизма применим скорее к так называемой западной литературе и искусству, нежели к тем культурным ареалам, государствам, которые не так давно приобрели независимость и находятся на пути кристаллизации (или поиска) национальной идентичности с соответствующим ей комплексом символов и ценностей. На это существуют определенного рода причины.

Постмодернизм – не просто и не столько художественное направление, сколько тип мироощущения, обладающий явным сходством с декадансом предыдущей рубежной эпохи, отличающийся повышенной, даже болезненной рефлексивностью, претендующей на критику и оценку всей Новоевропейской культурной парадигмы. В недрах данной рефлексии начинался и продолжился до сих пор путь к реанимации национально-культурной памяти и самосознания, не прекратившийся и значимый для многих стран Восточной и Центральной Европы, в том числе Беларуси. Более того, художественному сознанию потребовалось в очень сжатые сроки усвоить, инкорпорировать, интерпретировать, принять или не принять те ставшие уже практически классическими художественные парадигмы, которые возникли и развивались на протяжении 1930–1980-х гг. Впрочем, нельзя не отметить, что в рамках советской идеологической системы была создана мощная белорусская литературная школа, без которой современное, или постсовременное, состояние (в позитивном смысле) национальной литературы вряд ли было возможно.

Постмодернизм не утратил, таким образом, актуальность для белорусской культуры в силу, как минимум, рефлексивности и критицизма, наложенных на матрицу поиска национальной идеи. Очевидно поэтому белорусская литература, как и искусство рубежа XX–XXI столетий, обладают налетом философствования, а, возможно, в большей степени «культурологичностью». Эссеистика В. Акудовича, критические заметки М. Жбанкова, О. Копёнкиной, А. Глобуса, А. Клинова и других авторов являются тому свидетельством. Собственно, созданное в 1995 г. литературное объединение Бум-бам-лит (Юрась Борисевич, Сержук Минскевич, Змитер Вишневец, Илья Син, в той или иной степени В. Акудович, А. Клинов и другие) есть ничто иное, как союз «актуально» мыслящих

людей, стремящихся понять себя и через себя если не мир, то Беларусь как самостоятельный топос.

«Диалоги с Богом», «Война культур», «Архипелаг Беларусь», «Разрушить Париж», «Беларусь как постмодернистский проект Бога», «Метафизика: ситуация расцвета и упадка», «Код отсутствия» В. Акудовича представляют собой искреннее стремление автора разобраться в том, что есть Мы, Беларусь, и куда идем. Поясняя ключевую задачу «Кода отсутствия», очевидно состоящую в выявлении основ белорусской ментальности, Акудович отмечает: «З ХХ стагоддзем скончылася і вялікая эпоха «буры і націску», у выніку якой паўстала незалежная Беларусь. Далей пачалося нешта цалкам іншае, але ніяк не падобнае да таго, аб чым мроілася і марылася на пачатку дзевянастых гадоў. Мы патрапілі зусім не туды, куды імкнуліся, мы наўсцяж апынуліся не там, дзе хацелі быць. Чаму так сталася?» [1, с.6].

Ответ кроется в поиске тех духовных, ментальных, психологических и исторических скреп, которые могли бы создать некую единую конфигурацию белорусской культуры. Таким объединяющим концептом может стать не столько национально-языковая идея (так называемый немецкий вариант национальной идентичности), сколько идея гражданственности (французский вариант). Впрочем, идея гражданственности основывается на четко артикулированных принципах и ценностях, которые, как нам видится, сегодня для нас лишь очерчены. Идея нации как народа, живущего на территории самостоятельного государства, достаточно адекватная задачам национального единства и развития нации, нуждается в уточнении и подкреплении ценностно-смысловым корпусом. Идентификационная стратегия, базирующаяся на резком противопоставлении Мы – Они, вполне объяснима (это самый легкий способ экспликации «себя»), но вряд ли плодотворна. В этой связи достаточно спорны тезисы, сформулированные Валентином Акудовичем в разделах «Другая сусветна вайна» и «Расея и мы», что вызывает неподдельный интерес и подвигает на дискуссию.

Рефлексия, ирония, часто доходящая до сарказма, – неотъемлемый атрибут творчества Альгерда Бахаревича. Стратегия детерриториализации и игры, которой, видимо, придерживается один из наиболее талантливых авторов, чье творчество востребовано за пределами и в самой Беларуси, служит способом понимания себя как носителя белорусской идентичности и, собственно, самой белорусской идентичности. Подобная стратегия проявляется не только в интеллектуально-духовном плане, но и, скажем, в физическом: писатель живет в Германии, приезжает в Минск и высказывает достаточно резкие (поэтому и необходимые) суждения о белорусах и Беларуси. Так в одном из интервью Бахаревич констатирует: «Нейкай агульнай Беларусі, на мой погляд, не існуе. Часам я шкадную пра гэта. А вось дзяржава, якая называецца «Рэспублікай Беларусь», не ёсць на самой справе беларуская – гэта хутчэй нейкае антыбеларускае ўтварэнне, якое робіць усё, каб яе грамадзяне і надалей мелі ў свеце статус напаўміфічных істотаў, грамадзянаў Вялікай Нedarэчнасці. Аднак іншай дзяржавы беларусы пакуль

не заслугоўваюць» (Белгазета, 9.09.2009). Несколько болезненная рефлексия прозы Альгерда Бахаревича, как нам представляется, есть следствие небезразличия ко все еще своей белорусской культуре. Беларусь как «Вялікая Недарэчнасць» оказывается неким аналогом постмодернистского симулякра, окончательно теряющего связь с означаемым. Поэтому пугающим и одновременно предостерегающим оказывается рассказ Бахаревича «Беларусы на крышталёных шарах» (книга «Натуральная афарбоўка»). Рассказ повествует о следующем: в городе давалось цирковое представление, особую загадочность и необычность которому должно было придавать выступление белорусов на хрустальных шарах. Представление оказалось чудесным: «Як іншаплянэтнікі, беларусы йшлі па рассыпчатай серабрыстай дарозе, якая знікала ў космасе. Нібы вельмі багаты дзядзька набываў Млечны шлях і выпусціў на Яго гэтых сумуючых па волі зьвяркоў. Іх грацыёзнасць зачароўвала. Было жудаснае адчуванне, што зараз увесь Сусвет упадзе на галаву. «Гэта ж трэба так выдрэсыраваць», – гучна сказаў нехта» [2, с. 55].

Белорусский художественный постмодернизм неразрывен с интенциями и реалиями авангарда. Это, во-первых, связано с традициями авангарда 1910–20-х гг., одними из центров которого были Витебск и Минск, а, во-вторых, с освоением пост/неоавангардного мирового литературно-художественного пространства. Поэтому собственно постмодернистская парадигма переплетается с экспрессией, эпатажностью, скандальностью, театральностью дадаизма, сюрреализма, концептуализма; излюбленными формами презентации творчества становятся хэппенинг, перформенс. В этой связи следует отметить, что культурная ситуация второй половины XX в. уже давно перестала отвечать принципу единого стиля (впрочем, как и вся новейшая культура). Переплетение и наложение разнообразных литературных дискурсов друг на друга, аллюзии и цитация оказались принципами жизнедеятельности многих непостмодернистских течений. Разнообразие философско-эстетических, теоретических установок самого постмодернизма влияют на многовариантность их воплощения в литературе и искусстве.

Эстетизация скандала, манифестационность публичных выступлений, исходя из сказанного выше, не случайны: это возможность не только заявить о себе в мире литературы и искусства, но и выразить протест, не столько идеологический (или антиидеологический), сколько протест как таковой, как способ самовыражения и в большей степени саморефлексии. Поэтому вполне репрезентативны Венецианская бьеннале (Белорусский павильон, 2009 г.) и литературная, «искусствоведческая» выставка-акция «Дах – IX». Эпатажность и натуралистичность образов становятся кредо и для совсем молодых писателей. Так, один из рассказов начинающего автора Сергея Календы «Ваніты» изобилует достаточно подробными описаниями ощущений приступов тошноты и ее физиологическими признаками и последствиями. Столь нарочито подробное повествование о ванитативных рефlekсах наводит на мысль об аллюзии на творческие приемы Чака

Поланика. Экзистенциальная тошнота главного героя Данилы Лаканова – это, очевидно, тошнота аддиктивного свойства, рожденная асоциальностью, нежеланием быть «атручанным»: «Ён не хоча быць дзіцем асфальту, ён не хоча быць дзіцем тэхнакратыі, ён не хоча быць дзіцем атручаных людзей, ён не хоча быць іх пакаленнем!» [3, с. 13]. Подобный рефрен, к сожалению, применим к очень многим юным особам, испытывающим тот самый экзистенциальный вакуум, предпочитающим быть отравленными собственноручно, нежели быть «атручанным масавым грамадствам» [3, с. 14]. Поиск себя как существа актуального, нужного самому себе и другим, таким образом, продолжает постмодернистскую дискуссию о ценности ценностей Культуры, европейской прежде всего.

Литература

1. Акудовіч В. Код адсутнасці. Мінск, 2007.
 2. Бахарэвіч А. Беларусы на крыштальных шарах // Натуральная афарбоўка. Мінск, 2003.
- Календа С. Ваніты // Помнік атручаным людзям. Мінск, 2009.